

Ольга Гринвелл

СЫН МОЕГО МУЖА

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Г85

Гринвелл, О.

Г85 Сын моего мужа/ О. Гринвелл. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 384 с.

ISBN 978-5-521-90616-1

Мой муж - прекрасный человек: заботливый, добрый, честный. Он дал мне возможность снова почувствовать себя нужной. Вот только его взрослый сын путается под ногами. Наглый красавчик, брутальный мачо, который возненавидел меня с первой минуты, считая, что я окрутила его отца ради денег. Он объявил мне войну. Но мы еще посмотрим, кто кого...

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90616-1

© Гринвелл О., 2021
© Леола К., оформление, 2021
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

День неожиданно разделился на две совершенно разные половинки.

Утро, начавшееся с очередной ссоры с Олегом и из-за этого ставшее тусклым и хмурым, внезапно превратилось в прекрасный день — самый лучший день в моей жизни. Ну или, по крайней мере, один из лучших. В моей жизни я насчитывала несколько таких: день, когда познакомилась с будущим мужем, день нашей свадьбы, и сейчас, когда я, едва не плача от счастья, вылетела из поликлиники. И даже солнце, спрятавшееся за тяжелыми серыми тучами — я знала — улыбалось мне.

У нас будет ребёнок! Ребёночек. Маленький, крохотный комочек, который наконец-то сделает наш союз крепким и надёжным, и заботы о котором принесут для мужа иной смысл в слово «брак».

По дороге я забежала в кондитерскую, где долго в сомнениях стояла перед витриной, выбирая торт. Наконец, остановилась на белом, с лёгким кремом, напоминавшим об ангелах и феях. Так, наверное, надо забежать и в винный магазин — фужер шампанского уж точно не повредит малышу. И да, уж так и быть, куплю хороший армянский коньяк.

Я улыбалась, представляя, как мы с Олежкой празднуем, и люди в маршрутке наверняка думали, что со мной что-то не так. А мне хотелось сообщить эту чудесную новость всему свету: у нас будет ребёнок!

Первым делом, придя домой, скинула с себя одежду и, встав перед зеркалом, принялась разглядывать живот. Его ещё не было — всего-то семь недель, но я, слегка прищурив глаза, представляла себя уже с большим, как шар, пузом. Мой маленький! Обещаю, что буду лелеять и заботиться о тебе.

Глянула на часы и спохватилась — муж того гляди придёт с работы, а на ужин нет даже намёка. Вряд ли Олег будет счастлив получить вместо ужина только десерт и шампанское.

Он задерживался, впрочем, в этом не было ничего непривычного. Это в последнее время Олег стал приходить домой намного раньше, а до этого частенько возвращался за полночь.

Вздохнула. Горькие воспоминания на миг перекрыли радостное настроение, но я постаралась поскорее отогнать их. Мне достался в мужья красивый харизматичный мужчина, и не его вина, что женщины липли к нему, как пчелы на мёд. Конечно, я переживала, плакала, разговаривала с мужем, а он обещал исправиться, просил прощение, даже стоял на коленях и клялся мне в любви. И всегда проскальзывало: «Вот если бы у нас были дети...»

Быстро сварила рожки, бросила в воду сардельки и, открыв банку овощного рагу, стала накрывать на стол. Немного подумав, достала скатёрку, хоть и старенькую, но так хотелось сделать сегодняшний вечер особенным.

Сердце на миг замерло, а потом бешено застучало, когда услышала звук поворачиваемого в замке ключа. Я уже предвкушала реакцию Олега, как счастлив он будет. Села на стул

в ожидании, когда муж зайдёт в кухню. Слышала, как он раздевался в прихожей, затем открылась дверь в комнату — ну что же он медлит? — и уже собралась выйти к нему навстречу, когда раздались шаги.

— Привет, — остановился в дверях, с опаской оглядывая накрытый стол, меня, бутылку шампанского. — У нас какой-то праздник, Мил? Я что-то забыл?

Мои губы сами растянулись в улыбке, и я, уже не в силах больше ждать, вскочила из-за стола и бросилась к мужу, обвила его шею руками, прижалась к нему.

— Угу, — кивнула. Олег отстранил меня от себя, разглядывая, словно видел в первый раз. Нахмурился. — Мне надо кое-что сказать тебе, — прижимаясь губами к его шее, прошептала я.

— Ну давай, говори, — муж посмотрел на часы. — У меня тоже к тебе есть разговор.

— Олечка! Я жуть как счастлива! Ну, в общем, опуская подробности, сразу скажу, — выдохнула. — Я беременна!

Не сразу ощутила, что его тело будто одеревенело.

— Что? — и голос. Голос стал каким-то бесцветным.

— Олечка, у нас будет ребёнок!

Внезапно почувствовала, как пальцы мужа впились в плечи, отстраняя меня.

— Послушай, я тоже хочу кое-что сказать тебе. — Я все ещё улыбалась. — Я уезжаю. Уезжаю в Канаду.

— В Канаду? Как, когда? Ты получил там работу или... — подумала, что как здорово там будет малышу. Наконец-то мечта Олега сбудется — муж буквально бредил идеей о переезде в эту страну.

— Ты не поняла. Я еду один, без тебя. Ты мне больше не нужна. И ребёнок тоже.

Я рассмеялась. Тоже мне, нашёл время для шуток, да и не очень-то и смешно. Но глаза Олега были серьёзные. Он это на полном серьёзе?

— То есть ты хочешь, чтобы я родила здесь, а потом приехала к тебе? — затараторила, пытаясь не дать ему ничего сказать первым. — Чтобы малыш родился здесь, в России? Хочешь устроиться получше до нашего приезда? Ну да, — я выдохнула, — я понимаю...

— Мила, ничего ты не понимаешь. — Он отошёл к окну, отвернулся. Я увидела, как его кулаки сжимаются и разжимаются. — Мы разведемся. Всё.

— А ребёнка? Ты же так хотел...

— Мил, ты дура? Я же сказал, что у меня свои планы, и ты в них не входишь. Ни ты, ни твой ребёнок.

— Он не только мой! — странно, но мой голос звучал спокойно, а в душе разыгрывалась буря, готовая вырваться наружу и разнести все в щепки.

Олег продолжал:

— Мне абсолютно безразлично, что там с тобой — беременная ты или сделаешь аборт, или будешь рожать. Уверен, что не пропадёшь со своим дипломом экономиста. У меня же, Милочка, начинается другая жизнь.

— Что ты такое несёшь, Олежек? Я твоя жена! Скажи, что ты шутишь, или... или ты пьян?

Он вообще не пил. Ну, может, иногда на день рождениях друзей. Тем более я не могла понять, зачем мой муж стоит сейчас, хмуро на меня смотрит, словно я какая-то сумасшедшая и говорю какую-то ересь. Разве моя беременность повод для шуток?

— Мил, я встретил женщину и хочу уйти от тебя к ней. Она живет в Канаде и зовёт меня к себе. Я так решил. Ну, если вдруг что-то пойдёт не так, то я, может, и вернусь к тебе, хотя...

— Нет.

Он с удивлением поднял на меня глаза, хмыкнул.

— Хотя нет, вряд ли, — взял меня за руку и потянул к зеркалу, висевшему на стене. — Ты, вообще, видела себя? Знаешь, почему я перестал выходить с тобой в люди? — Я нахмурилась, не понимая, что он имеет в виду, и тупо уставившись на своё отражение. — Нет, не знаешь? Ну так посмотри как следует на себя. — Олег резко отпустил мою руку так, что я чуть не упала, и вышел из кухни.

Я смотрела на себя и ничего не видела. Все расплывалось от слез, застилавших мои глаза. Невыносимо жгло внутри. Казалось, внутренности полыхают огнём, и от этой боли мне хотелось скрутиться в тугой клубок, сжаться, чтобы больше ничего не чувствовать. Умереть...

Я не понимала, где нахожусь, кто я и почему здесь, в этом месте. В ушах назойливо гудело, и только когда этот гул прервал хлопок двери, я, вздрогнув, очнулась. Я отскочила от зеркала, бросилась в прихожую, в которой ещё стоял запах мужа, такой родной, любимый. Олег ушёл? Поплелась обратно в кухню, где унылым напоминанием о происшедшем посередине стола возвышалась бутылка шампанского. Захотелось напиться. Раз мы с малышом никому не нужны, то какая теперь разница? Ненужным людям ничего не нужно, и их жизнь никому не нужна. Никчемная. Я хорошенько рассмотрела своё отражение — серая мышь. Короткая тупая стрижка, наскоро сварганенная моей подружкой, чересчур бледная кожа, слишком большой рот и серые, мышинового цвета, глаза. И впрямь — как можно меня такую любить?

Заметалась по кухне, выдвигая ящики трясущимися руками — искала открывалку для вина, пока до меня не дошло, что для шампанского она вовсе не нужна. Схватив полотенце, выдернула пробку и, запрокинув голову, припала к горлышку. Игристая пена лилась по лицу, стекала по шее, зали-

ваясь за воротник блузки. Спазмы от едва сдерживаемых рыданий сжимали горло, не позволяя жидкости проникать внутрь. Мало, мало. Мне надо забыться. В уголке сознания мелькнула мысль о той бутылке коньяка, что я купила для Олега. Всегда ненавидела коньяк.

Рука сама потянулась к аптечке. Высыпала ее содержимое на столешницу и, смахнув разноцветные разнокалиберные таблетки в ладонь, закинула их в рот. Горькие, противные, но какая теперь разница? Это последнее, что я чувствую в этой жизни, в которой все оказалось гораздо горше и неприятней.

В ушах раздавался навязчивый звон. Неужели и правда существует жизнь после смерти? Мои губы дрогнули в попытке улыбнуться. Надо же — звон колоколов, ангелы, фанфары. Так хотелось взглянуть на все это райское великолепие, но веки почему-то были тяжёлые, словно что-то давило на них и не давало подняться. В голову пришли слова Вия из «Вечера на хуторе близ Диканьки», что окончательно рассмешило, и я хихикнула.

— Ей же не давали наркоз? — услышала я тихий и почему-то знакомый голос.

— Это иногда бывает. Действие различных токсинов на организм может привести к самым непредсказуемым реакциям.

Так, в чем дело? Где я?

Вторая попытка открыть глаза удалась, и от резкого, невероятно белого света всё тело пронизала острая боль.

— Тише, тише... — кто-то взял меня за руку. — Не двигайся, все хорошо. Я с тобой.

Казалось, прошла вечность, прежде чем я смогла сфокусировать взгляд. Теперь видела перед собой белую стену, а на

ней часы, и секундную стрелку, неумолимо двигавшуюся по кругу. Тик-так, тик-так...

— Ми-ла... — кто-то настойчиво звал меня, повернув голову, я увидела сидевшую рядом Лизку. Это что значит, я не в раю? — Господи, наконец-то!

— Что случилось? — мой голос был хриплым, я откашлялась. — Где я?

— Очнулась, родненькая...

Я снова закрыла глаза, гадая, что же всё-таки произошло, и тотчас же волна воспоминаний затопила меня с головы до ног. Передо мной вдруг ясно встало лицо Олега, его жёстко сомкнутые губы, презрительная улыбка. Он уходит! Уходит от меня! Как же я перенесу это?!

— Не плачь, не плачь, моя хорошая. Все будет замечательно, — Лизка гладила меня по рукам.

Ничего хорошего уже никогда не будет. Мы с малышом не нужны ему. Моя рука скользнула вниз, на живот, где внутри зрел маленький комочек. Выдавив из себя улыбку, поглядела на подругу:

— У меня только одна радость, Лиз, я беременна. — Она моргнула, ничего не ответила. — Слышишь? У меня будет ребёнок! — Лизавета опустила глаза, взяла меня за руку. — Лиз! Мой малыш... — голос вдруг перешёл в хрип. Почему она ничего не отвечает, молчит? — Эй, ты слышишь меня?

— Мил, погоди, я сейчас позову врача.

Она резко вскочила со стула, метнулась к двери.

Нет! Не-е-ет! Этого не может быть! Мой малыш, моё счастье, моя оставшаяся радость...

Последующее я помнила с трудом. Не хотелось ничего слушать и слышать. Я бы заткнула уши, но руки были такими тяжёлыми, словно к ним привязали пудовые гири.

— Дорогая, вам не нужно нервничать. Вполне возможно, у вас ещё будут дети. Мы сделали все возможное, чтобы спасти вас, а вот ребёнка, увы, спасти не удалось.

Я мотала головой по подушке, стискивая зубы от невыносимой боли. Да разве я просила спасать меня?

Лизка постоянно была около меня. Как только я открывала глаза, то видела ее, сидевшую на стуле возле моей койки. И вечером, и утром, хотя мне сложно было судить о времени суток. Все это было где-то там, в мире, который меня мало интересовал. Подруга кормила меня с ложечки едой, которая не имела ни вкуса, ни запаха. Я ела только потому, что она крепко держала мою голову и, стиснув одной рукой мой рот, закладывала в него пищу.

Время от времени приходили разные доктора, осматривали меня, задавали какие-то вопросы, на которые я путано что-то отвечала. Все, что я хотела — это чтобы меня оставили в покое. И даже Лизка, моя единственная подруга, начинала раздражать. Радовало, что она перестала разговаривать со мной отвратительным сюсюкающим голосом. С каждым днём она была со мной все строже и тверже и, наверное, это способствовало моему выздоровлению. Вот и сейчас Елизавета вошла твёрдой походкой в палату, стук каблуков, словно отбойные молотки, бил по ушам.

— Вставай!

— Что?

— У тебя скоро начнутся пролежни. Ты знаешь, что это такое?

Я знала, но мне было все равно.

— Врач велел тебе гулять на улице, и чем больше, тем лучше.

— У меня нет настроения.